

EUROPA ORIENTALIS 15 (1996): 1

ДИЛЕТАНТЫ

*Николай Богослов*

В. В. Бронгулеев, *Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886-1913*. Москва, Мысль, 1995. 352 с. Тир. 10.000 экз. Подписано в печать 10.06.92.

**Е**сли бы мне пришлось назвать самого большого неудачника изо всех поэтов, вернувшихся в сознание широкого круга русских читателей в годы перестройки, то, несомненно, прежде всего вспомнилось бы имя Николая Гумилева. Предисловия к первым его публикациям писали Борис Примеров и Юрий Кузнецов, издавал В. Полушкин, первую в советском литературоведении книжку написал С. Слободнюк, а теперь в его наследии вволю резвятся специалисты по Н. Тихонову.

В. В. Бронгулеев известен в “гумилевоведении” как один из уважаемых людей, собирателей рукописного наследия поэта, давний его поклонник, и если бы эта репутация была единственной, мне оставалось бы только преклониться перед мужеством человека, занимавшегося собственными изысканиями в те годы, когда это было не вполне безопасно и уж во всяком случае всячески затруднено. Благодарная память не должна ни в каком случае покидать одного из тех, кто основывается на разысканиях своих предшественников, и мне не пристало бы говорить о недостатках появившейся книги, если бы ее большой тираж, полиграфическое совершенство, которое неминуемо привлечет читателей, и совершенно из ряда вон выходящее количество ошибок всякого рода, в ней обнаруживающихся.

Дилетантизм имеет смысл тогда, когда он не перерастает в искреннюю уверенность, что на самом-то деле именно дилетанту все и по-

нятно. Если ученый, достойный этого названия, обладает способностью к самокритическому анализу, то дилетант даже не подозревает, что его знания неполны, что существует элементарная научная литература, что обращение со сложными вещами требует особой духовной культуры. Он подходит к предстоящему ему явлению с собственными мерками и недрогнувшей рукой вмешивается в посмертную судьбу безвинно погибшего поэта, умерщвляя его еще и еще раз.

Конечно, нужно в очередной раз повторить ритуальную фразу о том, что ошибается любой исследователь. Но есть ошибки и ошибки. Можно не знать затерянного в государственных или — тем более — личных архивах документа. Можно упустить из виду какое-либо сравнительно незначительное обстоятельство. Можно высказать гипотезу, которая будет опровергнута более убедительным анализом. Но нельзя не знать элементарных вещей, давно оглашенных исследователями. Нельзя не читать научной литературы. Нельзя говорить о поэтах так, как если бы это были твои соседи по коммунальной кухне. Да и многое из того, что нельзя делать ни в коем случае, преступил в своей книге В. В. Бронгулеев.

В предведомлении “От автора” он говорит: “Автор не рискнул отнести свою работу к известной серии *Жизнь замечательных людей*, а счел более правильным назвать ее только повестью о жизни и творчестве поэта, хотя и построенной на богатом документальном материале” (с. 8). И в какой-то степени это самоопределение верно (хотя вряд ли имеет смысл с таким придыханием говорить о *ЖЗЛ*): авторский текст книги занимает дай Бог пятую часть текста, остальное — цитируемые стихи, дневники, письма Гумилева, воспоминания о нем, сохранившиеся официальные документы и т. п. Тем удивительнее, что в такой малой доле собственных слов делается солько ошибок, удивительных даже для дилетанта.

Прежде всего это, конечно, относится к тому, что автор не считает себя обязанным ссыльаться на работы своих предшественников или на архивные оригиналы. Нигде мы не узнаем, откуда он берет тексты, почти нигде не указывается, на какие воспоминания он ссылается, проверить его цитаты невозможно. И это наглядно обнажает совершенно недопустимую источниковедческую слабость всей его работы. Хочется напечатать крупными буквами: многим материалам, опубликованным в книге, нельзя верить. Вот, например, на с. 23 читаем: “Вероятно, как раз в описываемое время Гумилев влюбился в очень миленькую гимназистку Таню. Вот что рассказал он об этом своем детском увлечении”. Не будем придираться к словам и

спрашивать, откуда автор знает, что гимназистка была “миленькой” (отнесем это на счет документальности повести). Но обратим внимание, что дальше следует пространная цитата не из воспоминаний Гумилева, а из книги И. Одоевцевой *На берегах Невы*. Неужели автору, претендующему на создание биографии поэта, необходимо специально объяснять, что воспоминания другого человека и собственное свидетельство — две принципиально различные вещи? Не буду уж говорить лишний раз о том, что верить ни И. Одоевцевой, ни Г. Иванову так, как это делает автор, то есть без малейших оговорок, — невозможно. Их воспоминания строились по законам художественного текста, а не достоверного свидетельства, а уж рассказам последних лет жизни Одоевцевой доверять вообще странно. Могу засвидетельствовать, как человек с ней в это время встречавшийся, что она плохо отдавала себе отчет в той ответственности, которую берет на себя, произнося те или иные слова (в отличие, скажем, от Н. Берберовой), да и просто знала далеко не все. И когда мы читаем: “Много-много лет спустя автор книги поделился этой историей с И. Одоевцевой и спросил о ее мнении на сей счет. Ирина Владимировна отреагировала определенно и даже резко. “Все это сплошная ерунда, — сказала она, — если бы такой случай действительно имел место, то Николай Степанович не удержался бы сообщить о нем мне, так как любил производить впечатление” (с. 33), — суждение может быть только одно, — вообще никогда не учитывать то, что говорит и говорила Одоевцева. Конечно, это решение будет неправильным: все источники следуют использовать, но подвергая их при этом критической проверке, каковому правилу В. В. Бронгулеев не следует ни разу. Мало того, он считает возможным (с. 124-125) всерьез, как документальное свидетельство привести фрагмент рассказа Г. Адамовича *Вечер у Анненского*, о котором в свое время Р. Д. Тименчик писал: “... очерк Г. В. Адамовича <..> ни в какой мере не является мемуарным и относится к беллетристике” (*Ахматовский сборник*, Париж 1989, с. 251). Это же можно сказать и о (тут, правда, автор предупреждает о недостоверности, но тогда зачем в таком случае передоверять слово очеркисту-несовременнику) нередко цитируемом тексте Г. Месняева *В панцире железном*. Таким образом, действительные мемуарные свидетельства и реальные документы оказываются в книге В. В. Бронгулеева рядом с заведомо недоброкачественными.

Не приходится говорить и о том, чтобы реальные мемуары оказывались подвергнуты какому бы то ни было анализу. Особенно относится это к свидетельствам Ахматовой.

Вообще к Ахматовой у автора нашей книги отношение явно пристрастное. Он считает ее виновницей всех бед Гумилева, не стесняясь при этом копаться в таких интимных подробностях, как: "...отказ был связан с тем, что Анна к этому времени имела уже любовника" (с. 58). Да и все без исключения слова, относящиеся к интимной жизни поэта (которая, конечно, вполне может быть предметом внимания), выглядят в книге исключительно бес tactными, как будто автор взялся подглядывать в щелку и комментировать происходящее.

Что уж тут говорить о том, как автор комментирует приводимые им документы! Прежде всего, делается это необыкновенно выборочно, и выбирается не самое существенное, заслуживающее комментария, а то, что найти легче. Но и тут автор допускает такое количество ошибок, что перечислить их просто не представляется возможным. Откроем, например, раздел "Примечания" (занявший 6 неполных страниц, — и это к книге, объемом в триста пятьдесят страниц большого формата, насыщенной документами!), и сразу наткнемся: оказывается, М. Ф. Ликиардопуло родился в 1838 году (очевидно, по аналогии с Леоном Дьерксом, упоминание которого комментируется в предыдущем примечании), Дягилев умер в 1931 году, театр Н. Н. Вацкевича назывался "Театр Диониса" (на самом деле — "Дионисово Действо"), И. И. Щукин, оказывается, издавал "Щукинский сборник", художник М. В. Фармаковский почему-то упорно на всем протяжении книги имеется "Формаковский", книга М. Кузмина называется *Приключение Эме Лебефа, а не "Приключения"*, Н. П. Рябушинский поименован литератором, о Н. Деникере (кстати, было бы недурно исправить неверное написание его фамилии у Гумилева) сообщены такие куцые сведения, что становится просто обидно, не указаны отчества П. Пильского (Моисеевич) и Пяста (Алексеевич), В. Эльснер умер в 1934 году (тогда как на самом деле — в 1958), М. М. Замятнина поименована Замятиной, общеизвестные даты жизни А. Кондратьева остались автору неведомыми, прелестно пояснение имени К. К. Случевского: "писатель-западник, один из представителей русского модернизма"...

Остановимся на этом и посмотрим, как соотносится комментирующее с комментарием. Тут тоже немало интересного. Вот, например, заходит речь о таком месте из письма Гумилева к Брюсову: "Я три раза виделся с "царицей Савской" (так Вы назвали, однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисовскую ересь не совратился. Ни на каких редакционных или иных собраниях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал" (с. 126). Прежде всего, следует сказать о текстологических свойствах данного отрывка: в оригинале слово "цари-

ца” написано с прописной буквы, ересь названа не “дионисовской”, а дионисианской. Но еще лучше комментарии, которых здесь целых два. Сначала эпически повествуется: “Говоря о дионисовской ереси, Гумилев имел в виду попытки Вяч. Иванова возродить культ бога Диониса и тем самым достичь некой соборности в искусстве, т. е. объединения различных художественных течений с целью сделать их более доступными для народа”. Трудно даже сказать, что здесь ошибочно, — все!

А второе примечание является собою типичный пример мнимого комментария. Гумилев говорит, что Брюсов предостерегал его от сбражий у Вяч. Иванова, и комментатор с полным внутренним довольствием поясняет: “Из этих слов видно, что еще ранее, скорее всего во время последней встречи в Москве, Брюсов пытался “уберечь” Гумилева от влияния Вяч. Иванова”. Между тем, совершенно очевидно, что здесь напрашивается примечание о “Поэтической Академии”, о которой В. В. Бронгулеев предпочитает почти не говорить, хотя Гумилев играл в ее деятельности весьма существенную роль.

Ладно, можно сказать мне в ответ: это для вас, литературоведов, существенно, а простому читателю все равно, что такая ивановская соборность, и каков был порядок писем Гумилева (на тех же страницах 126-128 автор путает даты двух писем Гумилева: написанное в мае считает апрельским и наоборот), и сравнительно мелкие разнотечения. Главное, чтобы о жизни Гумилева было рассказано убедительно.

Но может ли быть убедительным рассказ, в котором без малейшего труда обнаруживаются такие, например, пассажи: “...в те же дни (речь идет об осени 1909 г.) поэт <..> сблизился с М. Кузмным, который любил кочевать по знакомым и после того, как долгое время прожил на “Башне” у Иванова, решил переселиться к Николаю Степановичу” (с. 139). Не говоря уж о более чем двусмысленном в данном контексте слове “сблизился”, стоит все же сообщить автору, что Кузмин вовсе не любил “кочевать по знакомым”, а главное — что прожил в Царском Селе у Гумилевых он примерно две недели в начале 1912 года, а вовсе не “в те дни”. Или чуть далее: “...письмо было послано Гумилевым супруге Вяч. Иванова В. К. Ивановой-Шварсалон в первых числах декабря 1909 г.” (с. 155). Каково!

Позволю себе задать риторический отчасти вопрос: для чего же мы стараемся сделать историю литературы и литературной жизни России начала XX века реальным понятием, вписанным в хронологию всей истории и частных жизней отдельных людей? Чтобы все это потом было забыто даже теми, кто претендует на знание эпохи?

Я знаю, что по своей основной специальности В. В. Бронгулеев — ученый, доктор геолого-минералогических наук. Как бы понравилось ему, если бы я вмешался в его область знания, не имея представления о реальных закономерностях, давным-давно известных любому студенту, и попытался написать целую книгу, подвергающую анализу то, о чем я знаю понаслышке? Ответ, полагаю, может быть только одним. Так почему же с таким неуважением он сам относится к другой науке, в чем-то не менее точной? Почему пересказывает вполне доступные тексты? Почему цитирует в качестве источников заведомые не-источники? Почему считает возможным беззастенчиво вмешиваться в частную жизнь нескольких поэтов, раздавая направо и налево свои собственные оценки? Почему? Почему? Почему?

Нет ответа. И не может быть.

Отговорил (надеюсь, что отговорил) свое о Гумилеве Вадим Крейд, — теперь пришла очередь других, столь же несведущих. Стыдно и страшно, что замечательный поэт на долгое время оказался окруженным дилетантами.

И в конце — несколько слов об издательстве. Конечно, два с половиной года печатать книжку, — долговато. Но в результате вышел очень изящно изданный том, с большим количеством фотографий и даже неким полиграфическим изыском: гумилевские тексты на всем протяжении книги напечатаны синей краской, что позволяет сразу отличить их от текста г. Бронгулеева. И не зря, как сообщило “Книжное обозрение” (1995, 23 мая, с. 21), книга была признана комиссией экспертов Мининформпечати лучшей за какой-то период. Вот если бы еще “Мысль” взяла на себя труд найти подходящего автора для этой книги, а эксперты оценивали не только внешность, но и смысл изданного... Но придется теперь уже с обреченностью ожидать обещанной второй части.

А. И. Немировский, В. И. Уkolova, *Свет звезд или последний русский розенкрайцер*. Москва, Издательская группа “Прогресс-Культура”, 1995. 416 с., тир. 3000 экз.

Вторая книга которую мне показалось уместным поместить в ту же рубрику, носит все же несколько иной характер, определяемый прежде всего материалом. Если в книге В. Бронгулеева практически нет того, что не было бы известно исследователям и читателям, то книга

А. И. Немировского и В. И. Уколовой основана на многих чрезвычайно интересных документах, не просто воссоздающих облик Бориса Зубарина, о котором существовало и существует столько легенд, но и способствующих более в данном случае важному, — созданию представления о том достаточно широком круге эзотерических объединений, который еще существовал в России-СССР в двадцатые и начале тридцатых годов. Чем больше документов становится доступным, тем больше понимаешь, что этот круг был не просто случайным, но составлял важный элемент культуры того времени, удалившись от которых из картины, постепенно составляющейся историками культуры, будет совершенно невозможно, каким бы сомнительным ни казался он тому или иному исследователю. Отнюдь не принадлежа к числу поклонников теософии, антропософии, спиритизма, не будучи масоном или розенкрейцером, не упражняясь в практической магии или алхимии, телепатии или уфологии, я полагаю, что изучение всех этих (и многих иных) сфер приложения человеческой энергии может быть чрезвычайно существенно для верного и полного постижения истории нашего общества.

Только вот для того, чтобы этим заниматься, нужно прежде всего знать то, о чем пишешь. Этого требует и сама традиция эзотерического знания, передаваемого чаще изустно, но призванного прежде всего хранить память как о тайных откровениях, так и о людях, с этими откровениями связанных. Не случайно наиболее продолжительное издание на русском языке, ведающее этими проблемами (я имею в виду сборники “Оккультизм и Иога” и их продолжение “Феникс”, которые заслуживают специального рассмотрения), регулярно посвящало статьи людям, “покинувшим физический план”, стремясь сохранить как можно большее количество воспоминаний о них.

Но и традиция историческая также обязывает ученых как можно тщательнее собирать все возможные сведения, используя для этого максимально широкий круг источников. А когда речь идет о человеке, теснейшим образом связанном с культурой, надо искать сведения о нем и его окружении в соответствующих источниках. Сожалением приходится сказать, что авторы рецензируемой книги пренебрегли обеими традициями, выпустив в свет книгу явно сырую и потому страдающую массой недостатков.

Впрочем, в меньшей степени сказанное относится к В. И. Уколо вой, написавшей первую главу книги, называющуюся “Пепел розы” и дающую краткий очерк истории розенкрейцерства, его связей с иными оккультными традициями и самый предварительный очерк места Зуба-

кина в русском розенкрейцерстве. Не обладая соответствующими знаниями, не могу быть здесь судьей, предоставляя судить о работе автора специалистам. Отмечу только, что мимо внимания В. И. Уколовой прошел один примечательный факт: несколько раз она ссылается на Энциклопедию оккультизма, не указывая ее автора, меж тем как он в данном контексте чрезвычайно примечателен, – перед заглавием стоят три буквы Г.О.М., являющиеся инициалами одного из духовных учителей Зубакина, Г. О. Мебеса.

Вторая глава, написанная уже А. И. Немировским, пытается создать биографию Зубакина от рождения и до расстрела. Если бы эта глава появилась отдельно, она бы читалась с несомненным интересом и заслуживала бы специального разговора, но в общей композиции книги она выглядит в высшей степени странно, поскольку преимущественно систематизирует и, если так можно выразиться, хронологизирует факты, извлеченные из тех же самых документов, которые полностью публикуются чуть далее, и, таким образом, читателю приходится дважды (а то и большее число раз из-за неизбежных повторов в документах) сталкиваться с одними и теми же текстами.

Центральную часть книги составляют документы: письмо С. М. Эйзенштейна матери с описанием ученичества у Зубакина, тезисы доклада Зубакина на “Никитинских субботниках” Смех и сериозность, перепечатанный из сборника “Память” фрагмент письма В. Н. Волошинова к М. И. Кагану (почему-то озаглавленный “письма невельских друзей”; хотел бы также сообщить составителям, что под псевдонимом “К. Невельская”, как уже было сообщено в печати, скрывалась Ю. М. Каган), материалы из трех следственных и реабилитационного дел Зубакина, стихотворное его послание к В. Я. Брюсову, письма к Горькому, Вересаеву, Пясту и И. М. Брюсовой, отрывки из разных писем и мемуаров современников, посвященных герою очерка, а также стихи Зубакина и “Персоналии русского масонства 1917–1937 гг. по материалам Б. М. Зубакина и членов его ложи” (как сказано на обороте титульного листа, “документы, использованные в данной книге, подготовлены к публикации А. И. Немировским и Л. С. Ильинской”). И вот к этой части издания приходится предъявить очень значительные претензии, поскольку дилетантизм составителей иcommentаторов проявился тут в наибольшей степени.

Не очень, правда, понятно, можно ли называть это явление дилетантизмом. А. И. Немировский — довольно известный историк, занимающийся проблемами античности, и приемы исторического исследования должны быть ему хорошо известны. Однако по каким-то або-

лютно непонятным мне причинам они оказались совершенно забытыми при обращении к истории XX века.

Но прежде всего надо сказать, что удручающее впечатление производит просто невероятное количество обмоловок и опечаток. Похоже, что книга готовилась и издавалась в такой спешке, что авторы не прочитали ни окончательный вариант рукописи, ни корректуру. Иначе просто не могу объяснить, почему, например, на с. 254–255 публикуется письмо Зубакина к Пясту, письмо важное, с рассказами о Мандельштаме, и цифры примечаний в тексте расставлены, однако никаких примечаний на самом деле нет. Или, например, при публикации писем к Горькому, говорится: “В архиве А. М. Горького 27 писем Б. М. Зубакина”, — и далее они именуются по номерам, однако номера эти не имеют никакого отношения к тем, что проставлены над письмами в самом тексте. О Есенине речь идет не в третьем, а во втором письме, а, скажем, о поездке в город Карабев — не в пятнадцатом, а в одиннадцатом. Осталось без разъяснения явно просто незамеченное противоречие в показаниях Зубакина: на с. 105 он говорит о том, что главой “официального литературного кружка ‘Орден триолета’” является Иван Рукавишников (что и на самом деле так), а на с. 113 приписывает руководство орденом А. Рославлеву, что является очевидной обмоловкой. Но комментаторы предпочли поверить второму утверждению и приписали Рославлеву то, чего никогда не было. Не буду утруждать внимание читателей перечнем опечаток, прошу только поверить, что они изобильны и грубы: Качан вместо Каган, СПБ2-че вместо СПБ-ге и пр. Часто небрежность затрудняет чтение до полной невнятности. Что, например, значит примечание: “Переписка Пяста с Зубакиным, равно и с С. (так!) Садовским, ждет публикации и исследования. Опубликованы лишь письма Пяста Блоку, при этом им самим: В.А. Пяст. *Воспоминания о Блоке*. П. 1923; см. о них статью Т. Фоогд-Стоянова. *Письма Пяста* (с. 94)? Вы знаете, что это обозначает? Я — нет, поскольку письма Пяста к Блоку сам он не публиковал, а сделала это З. Г. Минц в 92-м томе “Литературного наследства”; публикация же Т. Фоогд-Стояновой не имеет никакого отношения к переписке Пяста и Блока, даже если учесть, что туманное обозначение может указывать на два источника: статью в журнале “Наше наследие” (1989, № 4) и публикацию писем Пяста в фестширифте *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*.

И за единообразием подачи материала следовало было бы проследить, чтобы не заставлять читателя искать комментарии к воспоминаниям С. М. Эйзенштейна после статьи Вл. Пяста (а не после них самих

или в конце мемуарного раздела), или чтобы все письма к Горькому были собраны вместе, а то попробуй сообрази, что одно из них откололось и почему-то печатается в разделе “Письма из архангельской ссылки”. Впрочем, последняя претензия уже относится скорее к общему строю текстологической обработки опубликованных документов, когда чаще всего остается неведомым, по каким источникам печатается тот или иной текст. Откуда, например, почерпнуты опубликованные в книге стихи или письмо и воспоминания С. М. Эйзенштейна? Ответа на этот вопрос мы не найдем нигде. Непонятно также, почему опубликованы далеко не все письма к В. Пясту (и тоже место их хранения не указано), и даже переписка с Горьким представлена выборочно, а не полностью.

Это все, конечно, затрудняет чтение, но еще более опасно, что неверным комментарием составители то и дело запутывают читателей, которые вовсе не обязаны знать все обстоятельства культурной жизни десятых–двадцатых годов. Почему, например, некий Карпов, случайно и безо всяких пояснений упомянутый в показаниях Зубакина, — непременно небезызвестный литератор П. И. Карпов (с. 103 или 123)? Зачем уверять, что книги *Фрейдизм и Марксизм и философия языка* непременно написал М. М. Бахтин, как то заявлено на с. 124, когда полемика об их авторстве идет уже достаточно давно и ни к каким определенным результатам пока не привела? (Хочу сказать, что исправил ошибку составителей: названную ими в тексте работу *Марксизм и вопросы языкознания*, как хорошо известно всякому, сочинил не Бахтин и не Волошинов, а некто для И. В. Сталина). Как родившийся в 1876 году скандально известный писатель А. П. Каменский мог в 1921 г. быть студентом в Москве и, кстати, бывшим графом? Почему И. А. Белоусова составители представляют как Ивана Антоновича (с. 219), тогда как на самом деле отчество его — Алексеевич? Как случилось, что умерший в 1933 г. С. Ф. Платонов был в 1929–1935 гг. директором Пушкинского Дома (с. 224)? (Не говоря специально об абсурде этого утверждения, замечу лишь, что на самом деле Платонов директорствовал в Пушкинском Доме с 1 августа 1925 по март 1929 г.). Почему поэма И. Сельвинского *Улялаевщина* оказалась переименованной в *Уляляевщину* (с. 260)? Зачем утверждать, что В. А. Пяст повесился (с. 258), когда на самом деле, как свидетельствует падчерица, он умер от рака легких? Список этот без малейших трудов можно продолжать почти до бесконечности.

И самое печальное — что за этим скрывается реальное незнание того, что специалисту, берущемуся за написание книги, должно быть

известно безоговорочно. Ну, например, достаточно случайно выбранное место из письма к Горькому (с. 176): “Мне очень понравилось, что кто-то (не Кузьмин ли?) сказал, что неужели же мы будем меньше любить тленные вещи, только за то, что они не вечны?” Отсылка к прославленному стихотворению М. Кузмина —

Разве меньше я стану любить  
эти милые хрупкие вещи  
за их тленность? —

здесь совершенно очевидна, и кажется бесспорным напрашивающееся исправление ошибки, сделанной Зубакиным в написании фамилии поэта, ошибки вполне традиционной и частой. Однако тут же, на соседней странице, фрагмент письма возпроизведен факсимильно, и с удивлением обнаруживаешь, что у автора фамилия Кузмина написана совершенно правильно. Стало быть, это составителям ничего не говорили ни цитата из стихотворения Кузмина, ни сама его фамилия.

Вообще с опознанием скрытых цитат (которые, как правило, не трудно узнать, поскольку широко рекламируемая эрудиция Зубакина была на деле не столь уж глубока) у составителей дело обстоит явно плохо. Кажется, только один раз они определили ссылку на текст Бориса Годунова, все же остальное так и осталось покрыто мраком неизвестности, вплоть до хрестоматийно известных текстов А. К. Толстого. Что уж тут говорить про какое-нибудь стихотворение Фофанова “Звезды ясные, звезды прекрасные / Нашептали цветам сказки чудные”, любому в начале века известное!

И вообще сфера некомментируемого расрастается в книге до невероятных размеров. Ограничусь только одним примером. В письме к Пясту от 24 октября 1931 г. Зубакин пишет: “Смерть де Лазари — горька мне. <...> Не пришлете мне — вырезку о смерти Н. К. де Л.?” (с. 249, 251). Комментатор в примечании говорит: “Лицо, пока нами не установленное”. Но достаточно заглянуть в словарь *Русские писатели*, чтобы определить, о ком идет речь: поэт и прозаик Николай Константинович де Лазари (1871-1941). Естественно, возникает вопрос: а как же быть с датой смерти? Но и тут ответ находится достаточно быстро: так же, как и с известием о смерти самого Пяста. 1 июня 1931 г. Зубакин посвящает целое письмо известиям о самоубийстве Пяста (которым, кстати сказать, безоговорочно поверили в эмиграции). В условиях тридцатых годов, когда связи между бывшими друзьями и знакомыми оказывались разорванными, известия такого рода передавались изустно и, конечно, часто оказывались ложными. Сообщу, кстати, коммен-

таторам, что некролог также оставшегося им неведомым (с. 114) Владимира Николаевича Лотина был опубликован в сборнике “Оккультизм и Иога” (Вып. 1, Белград 1933).

И это еще случаи сравнительно сложные, а между тем в книге полно оставленных безо всякого комментария имен и явлений, известных любому мало-мальски начитанному специалисту в области истории русской культуры первых десятилетий нашего века.

Особого внимания в этом отношении заслуживает приложение к книге: “Персоналии русского масонства...” Заслуживает как потому, что является одной из первых попыток создать список членов русских оккультных кружков (название “масонство” здесь явилось по очевидному недоразумению: сам же Зубакин несколько раз и весьма решительно отказывается от этого термина, говоря, в частности: “Потомки розенкрейцеровских учеников — “масоны” от их имени наплодили тысячи невежественных и противоречивых школ и организаций. Сохранились только обряды и церемонии, которые перестали понимать исполняющие. В ложи (собрания масонов) стали собираться только поесть, повертеть столики, завязать выгодные и влиятельные знакомства...”), так и по количеству ошибок, неполноты сведений и разного рода несуразностей.

Отнюдь не претендую на полноту сообщаемых сведений, попробую на примере одного этого раздела (всего 14 страниц) показать, сколько можно путать и не знать. Уже первая фамилия относится к числу не просто известных — знаменитых: Дмитрий Иванович Абрамович был прославленным историком древнерусской литературы, и дату его смерти отыскать не то что просто, а элементарно: 4 марта 1955. Ю. М. Антоновский принадлежит действительно к числу весьма известных оккультистов, но какое отношение имеет он к масонам 1917-1937 гг. — совершенно непонятно. Умилительна формулировка: Белый (Бугаев) (1880-1934). К тому же никак не объяснено, почему он оказался в списке масонов, когда еще с дореволюционного времени принадлежал к антропософскому обществу и действительно был одним из его лидеров в России. Между тем даже при самом беглом взгляде ясно, что Андрей Белый был чрезвычайно значительной фигурой русского оккультизма и имел, между прочим, прямо отношение к розенкрейцерству, о чем писала, в частности, Лена Силард в статье “Роман Андрея Белого между масонством и розенкрейцерством” (Россия / Russia, Venezia 1991. Vol. 7). Загадочный для Зубакина и, соответственно, его комментаторов Бурштейн (или Бруштейн) — на самом деле известный поэт Борис Сергеевич Бурштын (1893-1964), писавший под псевдонимом

Б. Иринин. Связи М. Волошина с оккультизмом, как и у Белого, были чрезвычайно широки и разнообразны, далеко не сводясь к тем клочкам, которые названы авторами. Демуар — почти наверняка поэт Николай Демуар, автор книги *Двойной венок* (М. 1929). Отчество Гавриила Елаичча — Александрович, он был видным учеником Г. О. Мебеса, как и Зубакин. Никаким “ленинградским мистиком” не был, так как служил в белой гвардии, в 1919 г. вместе с остатками Северо-Западной армии ушел за границу, жил в Эстонии и в Югославии, погиб от немецкой авиабомбы 6 апреля 1941 г. И. И. Жуков — на самом деле известный скульптор (и действительно немного поэт), очень популярный в 1910-е гг., только звали его Иннокентием Николаевичем, а даты жизни 1875–1943. Кстати сказать, в связи с И. Жуковым, А. Ремизовым, И. Рукавишниковым и другими тому подобными случаями: в показаниях 1923 г. Зубакин вовсе не утверждает, что они были “главами лож” или каких-либо подобных кружков, а наоборот: чтобы обелить себя, указывает такие организации (“Вселенское” <а не “всемирное”, как в тексте “персоналий”> “ребячество”, “Орден триолета”, “Обезвельволпал”), которые не несут в себе оккультного содержания, будучи в то же время замкнутыми обществами для немногих. Потому отнесение Ремизова, Рославлева и Жукова к оккультистам только на основании этих показаний — недопустимо. О студенте Каменском (который здесь уже не отождествляется с А. П. Каменским) я уже говорил. Персонажем “книги о чудаках” Зубакин рекомендовал Пясту сделать вовсе не Г. Н. Кульбина, а Н. И. Кульбина. По известным мне источникам, которым я склонен доверять гораздо больше, чем данной книге, отчество Г. О. Мебеса не Оттович, а Оттонович. Погиб он в ссылке. Основательницей “Ордена звезды на Востоке” была вовсе не А. А. Пушкина, а В. Н. Пушкина, видная деятельница Теософического общества, автор многих статей и брошюр, после революции оказавшаяся в эмиграции. О недоразумении с Рославлевым тоже было сказано. Фамилия Сарджева на самом деле — Сараджев. Странно, что составители не приводят никаких биографических данных о М. А. Чехове, которые столь известны. П. С. Шандаровский — адресат нескольких стихотворений Г. Иванова, переводчик Эредиа.

И наконец, чтобы завершить и без того затянувшуюся рецензию, скажу, что авторы упустили две принципиальные публикации. Не будучи специалистом по творчеству Зубакина и не обладая возможностью в данный момент обратиться к картотеке А. Д. Алексеева, все же назову известную мне публикацию двух стихотворений Зубакина в журнале “Наши дни” (1915, № 3). А вот еще одна — вряд ли особенно

широко известна, а между тем является важнейшим свидетельством о круге тем, интересовавших Зубакина в первые годы его оккультного учительства: в журнале “Прекрасное далеко” (1915, 3) был напечатан отчет о лекции Зубакина, который я позволю себе процитировать:

“За последние годы в Европе воскрес и распространился в широких кругах интерес к оккультизму, причем весьма многие имеют о нем превратное представление, чуть ли не отождествляя его с колдовством. Б. М. Зубакин в своей лекции “Правда об оккультизме”, прочитанной в Петрограде в морском манеже, задался целью всесторонне осветить темный для многих вопрос об оккультизме. Он и с филологической точки зрения рассмотрел слово “оккультизм”, и познакомил в исторической перспективе с формами проявления его в разные эпохи, у разных народов, и уяснил сущность его. По определению энциклопедического словаря, оккультизм есть наука о тайном, сокровенном; оккультисты же определяют оккультизм как науку, соприкасающуюся с религией или как расширение рамок науки до границ религиозных верований. Зародившийся в глубокой древности, оккультизм, то всплывая на поверхность жизни, то на время ныряя в ее глубины, непрерывной цепью тянется на протяжении веков, достигая наибольшего расцвета в сумеречные времена, когда ему приходится играть роль корректива религиозных верований; таким образом мы встречаем пифагорейцев в античном мире, иессеев и саддукеев у евреев, иллюминаторов в первые века христианства. В настоящее время оккультизм обязан своим расцветом крушению материалистического мировоззрения. Так называемые положительные науки пошатнули религиозные верования людей, не сумев их заменить собою. Ярые поклонники материализма, подобно герою Бесов, пытались, убрав, с алтарей иконы, заменить их Молешоттом, Бюхнером, воскуривая перед ними фимиам, но не могли не почувствовать, в конце концов, что их внешне заполненные алтари по существу пусты, что в их храмах нет Божества, а почувствовав это, не могли не устремиться на поиски того наиболее существенного, духовного, чего им недоставало. Однако перейти от крайнего материализма к прежним бесхитростным верованиям, вытесненным им, както не хватало решимости, и вот все они устремились к оккультизму, перебрасывающему мост между как бы враждующими наукой и религией. Этот европейский оккультизм, выросший на развалинах крайнего материализма, несколько разнится от древнего оккультизма, колыбелью которого был Египет.

Современный оккультист, приученный материализмом пользоваться логическими рассуждениями и экспериментальным методом,

вооружившись ими, входит в область оккультизма и достигает там весьма незначительных результатов, тогда как в древности оккультист, отказавшись от грубых восприятий внешних чувств, прибегал к интуитивным восприятиям и, научившись концентрировать свои мысли, развив путем непрерывных упражнений волю, достигал поразительных результатов: так, например, не вдаваясь в рассуждения, можно ли подниматься в воздух, и не стремясь подыскивать объяснений этой возможности, он соответственным направлением мыслей и напряжением воли достигал поднятия своего тела в воздух. Каждая форма миропонимания требует свои особых средств восприятия и методов проявления в жизни: поэтому у материализма ~~стак!~~ не может быть одних и тех же методов и способов восприятия, не может быть одинаковых путей..."

В мою задачу не входит характеризовать саму личность Б. М. Зубакина, весьма неоднозначную, но в то же время и безусловно незаурядную, к которой, как кажется, можно применить формулу, использованную относительно другого лица: "поэт и фантазер". Авторы в меру своих сил попытались ее воссоздать, но, к сожалению, сделали это столь беспомощно, что приходится прорываться к смыслу сказанного, усилиями разума и воли преодолевая те груды неверной и недостаточной информации, которые ежестранично оказываются на пути.

